

Н.Н.Седова

МАССОВЫЕ ТРЕВОГИ И ЛИЧНЫЕ СТРАХИ РОССИЯН

СЕДОВА Наталья Николаевна – старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: nnsedova@inbox.ru

Автор продолжает исследование массовой тревожности и личных страхов россиян, начатое в прошлом номере журнала. Проблема массовой тревожности рассматривается в контексте общемировой тенденции глобализации и одновременно применительно к конкретной ситуации финансово-экономического кризиса в России. Изучается структура страхов россиян, их источники и причины, распространенность конкретных видов страхов в разных социальных группах и слоях общества. Особое внимание уделяется анализу страхов и тревожности граждан в отношении чиновников, правоохранительных органов и других государственных структур. Кроме того, автор анализирует стратегии выживания и борьбы с опасностями и угрозами, используемые россиянами.

Ключевые слова: глобализация, кризис, нестабильность, эмоциональное благополучие, массовая тревожность, личные страхи, угрозы, чиновники, правоохранительные органы, государственные структуры, стратегии выживания, безопасность.

Уровень массовой тревожности и личные страхи россиян

Ситуация последних лет, когда на фоне в целом благоприятного вектора экономического и политического развития страны среди граждан сохранялись настроения неопределенности и неуверенности, парадоксальна только на первый взгляд. Более того, Россия в этом смысле не является исключением. По наблюдениям исследователей, занимающихся теоретическим осмыслением процессов развития современного общества, его нынешний этап - глобализация - как раз таки предполагает вытеснение прежнего мироздания, управляемого законами, эпохой нестабильности и неопределенности. Так,

3. Бауман, ссылаясь на исследование «нового мирового беспорядка» К. Джовитта, говорит о новом «дискурсе генезиса», изображающем мир как сферу нестабильности, изменений, лишенных определенного направления, как область спонтанности и вечного экспериментирования с неопределенными и практически непредсказуемыми последствиями.² Неопределенность и хаос вытесняют на задворки истории те времена, когда «все вещи оставались неизменными, а каждый человек знал свое место среди них», и когда «встреча яйца с беконом на тарелке для завтрака происходила почти с неизбежностью».

В этих условиях, обесценивающих порядок как таковой, в выигрыше остаются те, кто обладает скоростью передвижения и маневра, свободой перемены места, не имеет локализованных обязательств. «Входным билетом в новую глобальную элиту является готовность к жизни среди хаоса и способность процветать в условиях неустроенности; клубной картой становится умение позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться парализованным одной пожизненной специальностью».³

Для большинства же, которые «лишены контроля над своим настоящим потому, что наиболее важные факторы, определяющие их жизнь и социальное положение, не находятся у них в руках», неопределенность тесно связана со страхом и агрессивностью. Множество людей, подчеркивает Бауман, столкнулись с такими силами, как конкурентоспособность, рецессия, рационализация, сокращение рыночного спроса или снижение объема производства. Каждый человек является потенциально излишним или заменимым, и поэтому каждый уязвим, причем любое социальное положение, каким бы высоким и влиятельным оно ни казалось, в конечном счете, условно.

Наступление мирового финансового кризиса во всей полноте подтвердило эти идеи, когда даже находящиеся «у руля» власти еще вчера успешных стран терпят поражение, поскольку предпринимаемые ими действия не дают ожидаемых результатов. Что уж говорить о простых гражданах, которые, по определению Баумана, «прижаты к земле и обездвижены», «обезоружены и беззащитны перед неведомыми напастями, исходящими от таинственных «инвесторов» и «акционеров», а также еще менее понятных «рыночных сил», «условий торговли» и «потребностей конкурентной борьбы». Для большинства людей, как в России, так и

² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ., под. ред. Иноземцева В.Л.; Центр исследования постиндустриального общества, Журн. "Свобод. мысль". М.: Логос, 2002. – 325 с.

³ Там же, со ссылкой на Ричарда Сеннетта, исследовавшего характер Билла Гейтса как эмблемы и знаковой фигуры новой элиты кибернетического века.

в других странах, охваченных кризисом, неуверенность и неопределенность остаются константой их эмоционального состояния, общества переживают рост массовой тревожности населения.

Однако еще раз подчеркнем, что кризис лишь обостряет тревожность и страхи, которые в более или менее выраженном состоянии присутствуют в современном обществе всегда. Как заметил А. Донцов, «человек — существо стадное и несамостоятельное. Как существо несамостоятельное, он зависим и беззащитен. Поэтому он боится, боится, и будет бояться всегда»⁴. Для существования его страхов и тревожности вполне достаточно даже сравнительно далекого по времени собственного негативного опыта или опыта знакомых и близких, который будет воспроизводить в сознании людей ситуации, генерирующие опасения в отношении собственного будущего. К этим же выводам пришли в начале 2000-х авторы исследования социально-психологического состояния пореформенной России, замечая, что в условиях относительно стабильной жизни «глобальные страхи» (войны, нищеты, голода) сохраняются в массовом сознании как некое предчувствие, как гипотетическая возможность очередного срыва России с позитивной траектории развития⁵.

Другое дело, что эмоциональное благополучие и уровень массовой тревожности в обществе, тесно связанные с самыми различными факторами, в том числе с благополучием в социальной сфере, экономике, политике, экологии и т.д. – в разные периоды жизни общества могут заметно различаться.

До последнего времени, как показывают данные социологических исследований, уровень массовой тревожности в российском обществе снижался. Например, по данным мониторинга Левада-центра, за последние два десятилетия втрое меньше стало тех, кто отмечал чувство страха среди окружающих их людей – если 1990 г. об этом говорили 29%, то в 2008 г. только 9%⁶. Да и на фоне других стран, в том числе высоко развитых, Россия отличалась достаточно высоким уровнем оптимизма граждан в отношении того, насколько безопасна жизнь в нашей стране. По данным исследования Интернет-аудитории в странах «Большой восьмерки», российские респонденты чаще других отмечали, что жизнь в нашей

⁴ Чего мы боимся больше всего. Рейтинг страхов.<http://psihology.net.ru/chego-my-boimsya-bolshe-vsego-rejting-straxov/>

⁵ По данным ИСПИ РАН: <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros203.html>

⁶ Общественное мнение – 2008. - М.: Левада_Центр, 2008. Табл. 1.7.

стране становится безопаснее (45%). На втором месте после России по этому показателю стояли США (34%), а вот европейцы и японцы в подавляющем большинстве (три четверти и больше опрошенных), наоборот, считали, что жизнь в их стране становится более опасной⁷. Авторы исследования на основе ответов на главный вопрос («В какой степени Вы лично опасаетесь следующих возможных событий и явлений в нашей стране?») распределили респондентов на три группы: 1) не испытывают заметного беспокойства ни по одной из перечисленных угроз («социально спокойные»), 2) беспокоятся по поводу 5-ти и менее угроз из предложенных к оценке 11-ти, 3), всерьез озабочены большинством угроз (6 и более) – «социально тревожные». Среди россиян социально тревожными оказались 25%, что близко к показателям Великобритании (19%) и Канады (21%). Во всех остальных странах доля социально тревожных граждан оказалась выше – от 30% в США до 49% во Франции.

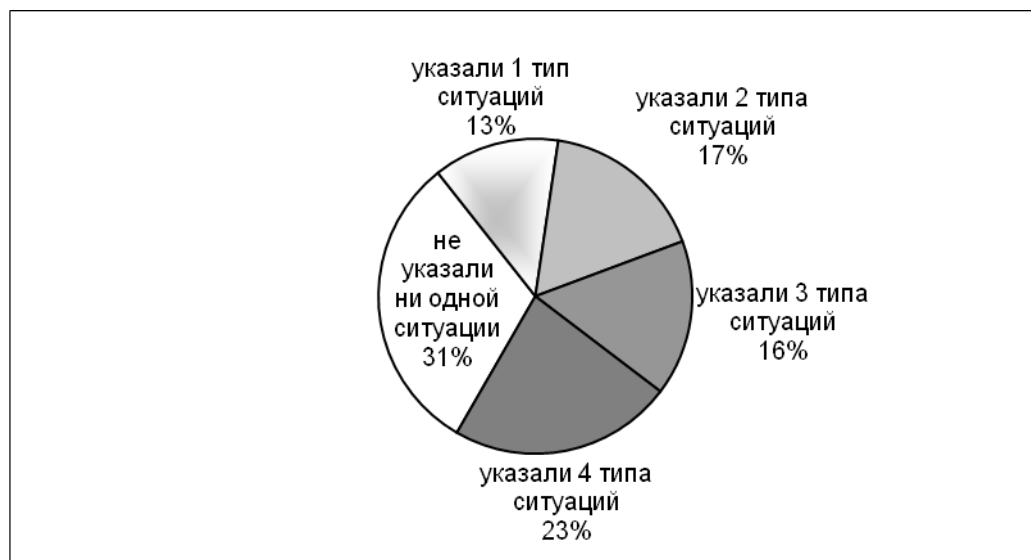
Однако, несмотря на отмеченные позитивные тенденции, тревожность и страхи оставались неотъемлемой составляющей эмоционального фона и в наиболее благополучные докризисные годы. Базовое исследование ИС РАН подтвердило, что ***те или иные страхи время от времени испытывают большинство (69%) россиян***. Именно столько опрошенных на вопрос о том, в какой обстановке они больше всего испытывают чувства тревоги, незащищенности, назвали хотя бы одну подобную ситуацию (см. рис.1).

При этом высоко тревожными можно назвать примерно каждого четвертого респондента (23%), которые испытывают чувство тревоги, страх в четырех и более типах ситуаций, предложенных для оценки. Кроме того, еще 16% упомянули три типовых «тревожных» ситуации, 17% - две, 13% - одну. Обратим внимание, что доля «высоко тревожных» опрошенных практически совпала с аналогичным показателем, полученным в ходе упомянутого выше международного исследования, что придает дополнительный вес его надежности и достоверности.

⁷ Евразийский мониторинг. <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-123.html>

Рисунок 1.

Доли россиян, которые испытывают/не испытывают чувство страха, тревоги, незащищенности в какой-либо ситуации (%)

Понятно, что уровень тревожности, будучи социально обусловленной переменной, имеет отличия среди представителей различных групп и слоев населения. Так, интенсивность страхов выше среди женщин, усиливается с возрастом. Несколько чаще других тревожность испытывают высоко обеспеченные россияне, а также люди, живущие за чертой бедности. Среди жителей различных территорий страны чаще всего те или иные страхи испытывают жители Поволжья, Юга. В поселенческом же разрезе страхам чаще подвержены жители крупных городов – областных, краевых, республиканских центров, а также жители сельских поселений. В то же время следует подчеркнуть, что отмеченные различия в уровне тревожности среди представителей различных социальных групп не носят характера ярко выраженных тенденций (за исключением, возможно, поло-возрастных, которые ближе к тенденции, хотя и слабо выраженной).

Какие же конкретно ситуации чаще всего провоцируют страх и тревожность у наших сограждан?

Как показывают полученные данные, по частоте упоминаний лидируют «уличные страхи» – именно их испытывает почти треть опрошенных (30%). С учетом довольно высокого

уровня уличной преступности в России актуализация этих страхов представляется понятной и ожидаемой.

Другое дело – страх, который испытывает четверть россиян во время посещений государственных учреждений, таких как милиция, суд, административные органы (25%). Понятно, что для кого-то тревожность порождается возможными санкциями в свой адрес – например, в случае, когда за человеком есть какие-либо правонарушения. Однако в большинстве случаев тревожность – это реакция на необходимость контактов с чиновниками, которые, как показывают исследования, не вызывают у россиян доверия и воспринимаются зачастую как люди черствые, безразличные к судьбам тех, кто от них зависит, а то и как люди, сами попирающие закон⁸.

Почти столько же (23%) опрошенных испытывают тревожность в больницах, поликлиниках. Здесь также можно говорить о двойственной природе опасений. С одной стороны, они могут быть вызваны плохим состоянием здоровья (собственного, близких), что и является причиной обращения в учреждения здравоохранения. С другой – возможностью получить некачественную медицинскую помощь, столкнуться с непрофессионализмом и грубостью персонала⁹.

Таким образом, можно говорить о том, что у россиян складываются устойчивые тревожные ожидания от контактов с государственными органами, а также организациями в сфере здравоохранения.

Весьма показательны, что страхи, связанные с деятельностью государственных учреждений и организаций в сфере здравоохранения охватывают такое же или даже большее число людей, нежели страхи, связанные с поездками в транспорте (24%). Впрочем, боязнь транспорта тоже может служить характерной чертой эмоционального самочувствия россиян.

⁸ По данным исследования ИС РАН, посвященного проблемам российской бюрократии (2005 г., опрошено 1500 респондентов), 87% россиян считают в целом справедливыми упреки в адрес чиновников в том, что они невнимательны, грубы, продажны (в том числе 24% считают такие упреки полностью оправданными). Более половины россиян (56%) считают, что любой, даже самый мелкий чиновник, имеет власть над людьми, 47% отмечают, что за последние годы государственные служащие стали хуже соблюдать законы, 57% полагают, что чиновники оказывают негативное влияние на политику страны.

⁹ По данным опроса ВЦИОМ, посвященного проблемам российского здравоохранения и реализации ПНП «Здоровье» (2006 г., опрошено 1600 респондентов), 60% населения оценивают положение дел в сфере здравоохранения как плохое или скорее плохое; среди пользователей услуг поликлиник 49% не довольны их качеством.

Подчеркнем, что здесь идет речь не о полетах на самолете, которых боится гораздо меньшее число наших сограждан (11%), а о поездках на автомобиле, в поезде. Печальная статистика ДТП, крушений поездов, террористических актов в автобусах, у зданий метро и т.д. способствует активному развитию транспортных фобий у россиян.

Террористические акты, ставшие приметой нашего времени, являются мощным катализатором для нагнетания тревожности, связанной как с транспортом, так и с местами массового скопления людей. Прежде всего к ним можно отнести места проведения массовых мероприятий, а также места торговли (магазины, рынки), где страх испытывают по 13% опрошенных.

Еще одной ситуацией, в которой многие люди (15%) испытывают тревожность, являются посещения других городов, регионов страны. По всей видимости, подобные страхи – результат целого ряда причин, от «синдрома провинциала» (опасения потеряться, не сориентироваться, опоздать на транспорт и т.д.) до реальной нестабильности, а то и взрывоопасности ситуации в «горячих точках» страны.

Из обыденных ситуаций наиболее стрессовой для наших сограждан является работа (тревожность по данным опроса здесь в 2008 г. испытывал каждый десятый, см. рис. 2). Впрочем, с развитием финансового кризиса ситуации, связанные с работой, по всей видимости, могут существенно повысить свой «тревожный рейтинг» и оказаться в числе «лидеров». Уже в начале 2009 г., когда кризис только начинал вступать в активную и видимую «невооруженным глазом» обывателя фазу, опросы показывали резкое усиление тревожности в отношении таких проблем, как рост безработицы (с 27% в январе 2008 г. до 57% в январе 2009 г.), кризис в экономике, спад производства (с 31% до 48%), задержки в выплате заработной платы (с 3% до 10%)¹⁰.

¹⁰ Проблемы, которые тревожат россиян. <http://www.levada.ru/press/2009013003.html>

Рисунок 2.

Обстановка, ситуации, в которых респонденты больше всего испытывают чувство страха, тревоги, незащищенности (%) (допускалось не более четырех вариантов ответа)

Распространенность конкретных страхов неодинакова в разных социальных группах и слоях общества.

Для молодых людей в большей степени свойственны страхи, связанные с их высокой жизненной активностью и мобильностью. Так, опрошенные в возрасте до 30 лет чаще других испытывает тревогу во время посещений других городов и регионов страны, других стран, пребывания в отдаленных уголках природы, а также во время массовых мероприятий.

Люди среднего возраста чаще тревожатся на работе, в транспорте и при посещении государственных учреждений.

Страхи пожилых россиян чаще всего связаны с учреждениями здравоохранения. Также высока тревожность пожилых людей на улице, при посещении мест торговли, а также дома - ключевую роль здесь, по всей видимости, играет возрастное ощущение собственной слабости, незащищенности.

Для людей с высоким достатком чаще актуальны страхи, связанные с поездками в транспорте, с посещением массовых мероприятий. Зарабатывание больших денег стоит преуспевающим людям России высокой тревожности на работе, к тому же их «тревожную палитру» дополняют более частые, нежели у людей со скромным достатком, перемещения по миру.

У бедных свои источники тревоги. Это прежде всего улица, государственные учреждения и организации сферы здравоохранения. По всей видимости, в современной России посещение подобных организаций и учреждений без должной финансовой поддержки становится весьма рискованным мероприятием.

География страхов также имеет свои особенности. Так, лидером по части распространенности тех или иных фобий является Южный регион. Население этого региона чаще других испытывает страх во время посещения других регионов и городов страны, при поездках на транспорте, а также при контактах с государственными учреждениями и организациями сферы здравоохранения.

Самые характерные страхи жителей мегаполисов связаны с присутствием на массовых мероприятиях, а также в местах торговли и обслуживания. Крупные нестоличные города, также индуцирующие фобии в отношении массовых мероприятий, помимо этого отличаются тревожностью жителей при посещении госучреждений, больниц и поликлиник. Бич поселков городского типа – беспокойная ситуация на улицах, провоцирующая соответствующие «профильные» страхи. Что же касается сел, то они отличаются, пожалуй, самым богатым набором фобий, по сравнению с остальными типами поселений. Прежде всего, это характерные для малой провинции опасения других городов и регионов, транспорта, государственных и медицинских учреждений. Также сельские жители чаще других неспокойно чувствуют себя дома.

Рассмотрим теперь вопрос о том, кого россияне видят в качестве источника угрозы, в отношении каких субъектов испытывают страх (см. рис. 3).

По мнению почти половины наших сограждан (48%), самую большую опасность для них представляет криминальный мир – бандиты, воры. Второй источник угроз – чрезвычайные ситуации, такие как пожар, несчастный случай и т.д. (40%). Эти два источника можно считать вполне традиционными, их актуальность сохраняется с давних пор, хотя в последние годы, вместе с общей тенденцией улучшения социального самочувствия и эмоционального благополучия в обществе, опасения в отношении криминального мира заметно ослабли. Так, по данным Левада-центра на вопрос «Бойтесь ли Вы, и в какой мере, нападения преступников?» доля ответов «испытываю постоянный страх/боюсь» снизилась с 62% в 1994 г. до 33% в 2008 г.¹¹

Терроризм как общее место большинства дискуссий по проблемам безопасности (от круглых столов политиков и ученых до кухонных разговоров) предопределяет выход террористов на третье место в рейтинге источников угроз (27%).

К традиционным носителям угрозы можно отнести чиновников, с которыми людям приходится иметь дело на местах. Россияне продолжают считать себя беспомощными перед их произволом, и каждый четвертый (24%) уверенно вносит чиновников в число тех, от кого можно ждать наибольшей опасности для себя и своих близких. Правоохранительные органы в лице милиции, прокуратуры, судов также собирают свою немалую порцию страхов – основную угрозу собственной безопасности и безопасности своих близких в них видят, соответственно, 14% и 7% россиян.

Вообще, страх и тревожность граждан в отношении чиновников, правоохранительных органов и других государственных структур занимают особое место в социальном самочувствии россиян. По данным исследования Левада-центра в 2008 г., только 22% наших сограждан чувствуют себя защищенными от возможного произвола представителей государственных структур, тогда как 73% считают себя в этом отношении уязвимыми. Конечно, за последние годы ситуация несколько улучшилась, по данным того же центра, на прямой вопрос «Бойтесь ли Вы, и в какой мере, произвола властей, беззакония?» в 1994-1999 гг. большинство (51-55%) отвечали «испытываю постоянный страх/боюсь», тогда как в 2008 г. таких ответов стало только 30%. Однако мнение о том, что российские чиновники

¹¹ Общественное мнение – 2008. - М.: Левада_Центр, 2008. Табл. 2.16.

пользуются в России неограниченной властью, что хотят, то и делают, по-прежнему разделяют большинство (83%, в том числе 45% полностью с ним согласны)¹².

Постепенно возвращается подзабытый страх «мировой закулисы», строящей козни против нашей страны. 21% опрошенных всерьез опасается враждебных России сил.

Особое место в ряду носителей угроз занимают представители, казалось бы, одной из самых гуманных профессий – врачи, медицинские работники. Однако многие россияне, имея за своими плечами горький опыт лечения в организациях «бесплатной медицины», а затем в частных клиниках, нередко делающих ставку на прибыль в ущерб качеству и профессионализму, не ждут от врачей ничего хорошего. В результате сегодня каждый десятый видит во врачах наибольшую опасность для себя и близких.

Хотя и невысок, но все же обращает на себя внимание процент тех, кто главным носителем опасности считает высшие государственные органы власти в лице Президента, Правительства (5%). На фоне всеобщего доверительного отношения населения к нынешнему Президенту Д. Медведеву и главе Правительства В. Путину данный показатель может, по всей видимости, служить косвенным признаком недовольства нынешним курсом, который людям не хотелось бы демонстрировать открыто.

Ближний круг (родственники, друзья), учителя и преподаватели, армия, а также иррациональные угрозы типа «конца света» не внушают опасений подавляющему большинству наших сограждан. Однако следует отметить, что для некоторых (6%) носителем угрозы их благополучию является начальство на работе.

¹² Общественное мнение – 2008. - М.: Левада_Центр, 2008. Табл. 3.36, 3.37, 2.17.

Рисунок 3.

От кого россияне ждут наибольшей опасности для себя и своих близких (%) (допускалось не более трех вариантов ответа)

Рейтинг страхов россиян – собственно, чего люди боятся – возглавляют витальные страхи (см. рис. 4). Это страх потери здоровья и смерти в различных вариациях – в отношении близких и в отношении себя самого, в результате посягательства со стороны, в результате несчастного случая или болезни. Каждый из таких страхов имеет свою «аудиторию», насчитывающую от 50% до 67%. Следует подчеркнуть, что страхи, связанные с жизнью и здоровьем близких людей, оказываются для россиян заметно более значимыми, нежели опасения за собственную жизнь. Л. Гудков, в частности, объясняет это принадлежностью России к обществам с неразвитой социальной структурой, в которых надежды на собственную

безопасность человек связывает со своим ближним кругом, а не с государственными и общественными институтами. «Это, если хотите, некий признак примитивизма. На Западе страх потери близких в разы меньше. Это не значит, что они меньше любят своих детей или родителей, но общая тревожность там ниже. Семья не является единственным пристанищем для человека и единственной для него защитой: в такой роли там также выступают разные объединения и общественные организации. В конце концов, со своей проблемой человек может обратиться в суд, у нас же доверие к институтам государства крайне низкое, и все, что остается, это обращаться за помощью к самым близким людям, к родственникам»¹³. Улучшение социально-экономической ситуации, постепенное развитие институтов гражданского общества и другие процессы, происходившие в России в последнее десятилетие, хотя и не смогли избавить россиян от доминирования подобных страхов, но все же несколько снизили их остроту. По опросам Левада-центра, доля ответов «испытываю постоянный страх/боюсь» на вопрос «Бойтесь ли Вы, и в какой мере, болезни близких, детей?» снизилась в 1994-2008 гг. с 78% до 70%. Характерно, что в 1999 г., после разразившегося дефолта, актуальность этого страха поднималась до рекордных 85%¹⁴.

Следующую группу страхов, беспокоящих 33-39% наших сограждан, составляют «имущественные» страхи (потери имущества вследствие кражи, пожара, в результате посягательства), боязнь стихийных бедствий и открытых социальных конфликтов (беспорядков, войн).

Почти столь же интенсивен страх одиночества – его разделяют 27% россиян, прежде всего пожилые люди (среди них доля боящихся одиночества достигает 39%).

Страх оказаться в тюрьме свойственен 16% опрошенных. В большей или меньшей степени он беспокоит представителей всех социальных групп и слоев общества, но в качестве точек его наибольшей концентрации можно назвать молодежь до 21 года, жителей ПГТ, жителей Дальневосточного региона (22-24%).

Еще одна группа страхов носит в значительной степени эксклюзивный характер и присуща прежде всего людям с высоким материальным достатком. Это страх крупных финансовых потерь от банкротства банков, обесценения ценных бумаг (14% по массиву, 31%

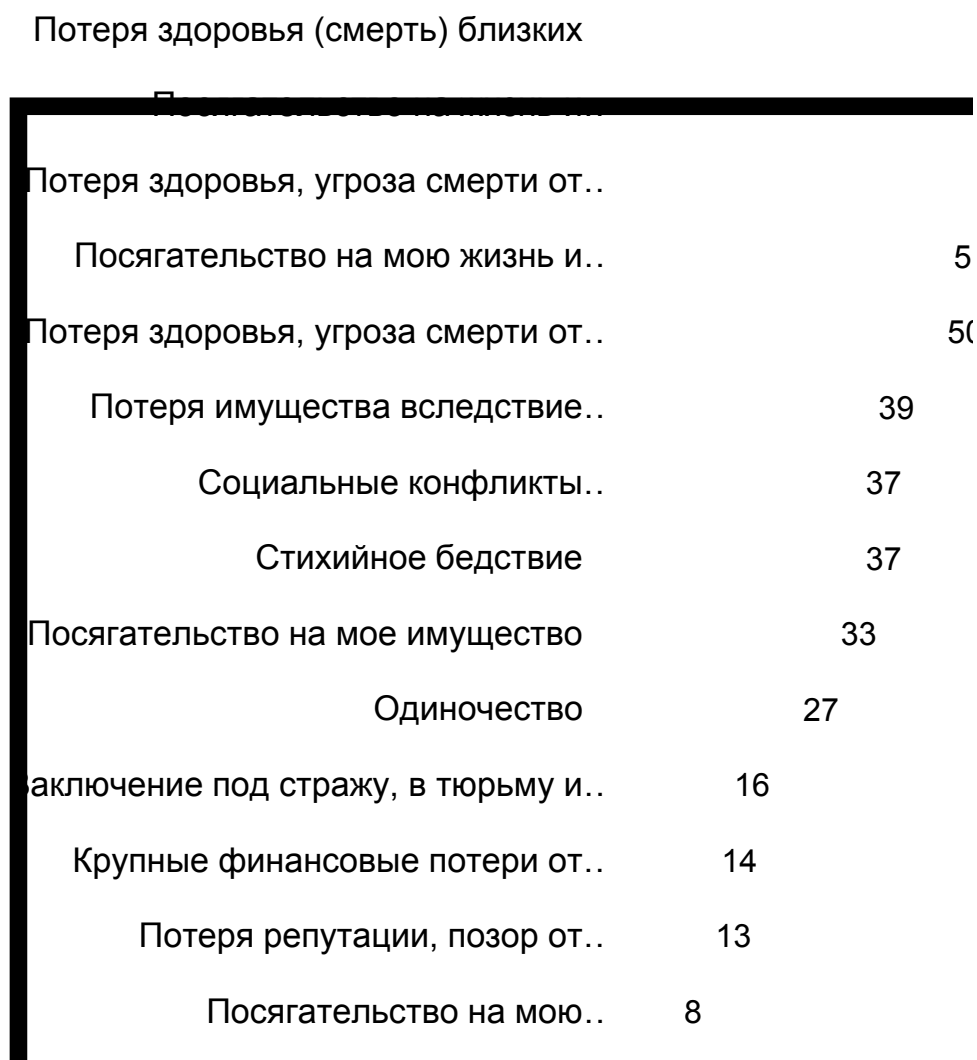
¹³ Чего мы боимся больше всего? <http://psihology.net.ru/chego-my-boimsya-bolshe-vsego-rejting-straxov/>

¹⁴ Общественное мнение – 2008. - М.: Левада_Центр, 2008. Табл. 2.14.

среди высоко обеспеченных респондентов), страх потери репутации в результате клеветы, навета (13% и 28%, соответственно) или из-за реального попадания в незаконную, аморальную ситуацию (7% и 17%), страх посягательства на личную, конфиденциальную информацию (8% и 17%). Интересно, что за последние пятнадцать лет страх россиян пережить публичное унижение, оскорбление, несколько ослаб, на вопрос «Бойтесь ли Вы, и в какой мере, публичных унижений, оскорблений?» в ходе мониторинговых опросов Левада-центра доля ответов «испытываю постоянный страх/боюсь» снизилась с 37% в 1994 г. до 26% в 2008 г.¹⁵

Рисунок 4.

Чего россияне боятся больше всего (%) (допускалось любое число ответов)

¹⁵ Общественное мнение – 2008. - М.: Левада_Центр, 2008. Табл. 2.12.

Учитывая, что в последнее время широчайшее распространение в ведущих печатных и особенно электронных СМИ занимает тематика, связанная с разного рода аномальными явлениями, респондентам было предложено высказаться по поводу страхов, связанных с миром «непознанного». Выяснилось, что иррациональные страхи – все же удел немногих. Большинство опрошенных, выбирая из предложенного и весьма разнообразного меню подобных страхов, однозначно заявили, что не испытывают ни один из них. Тем не менее 37% респондентов указали хотя бы один вид иррационального страха, в том числе 9% назвали 3 и более их видов. Любопытно, что эта статистика мало варьируется в зависимости от социально-демографического статуса опрошенных. Таким образом, *либо одни, либо другие иррациональные страхи занимают свое место в сознании представителей всех социальных групп и слоев общества.*

По количеству упоминаний на первое место вышел страх оговоров и сглазов, который беспокоит 22% наших сограждан.

По 10-13% опрошенных указывали, что верят в приметы и вещие сны, боятся Страшного суда и посмертного воздаяния за грехи.

Меньше всего «поклонников» (3-5%) у страхов, внушаемых всяческой нечистью (вампирами и т.п.), космическими пришельцами, снежными людьми и т.д. (см. рис. 5).

Рисунок 5.

Доли россиян, у которых вызывают опасения возможные или маловероятные иррациональные угрозы (%) (допускалось любое число ответов)

Отдельные иррациональные страхи имеют свои точки локализации в тех или иных социальных группах. Так, Страшный суд и посмертное воздаяние за грехи чаще тревожат людей преклонного возраста. В «черные» приметы (разбитые тарелки, рассыпанную соль) чаще других верят люди среднего возраста. В большей степени иррациональным страхам подвержены жители ПГТ, которые чаще других боятся пришельцев из космоса и летающих тарелок, оговоров и сглазов, черных примет.

В. Иванова и В. Шубкин в своем исследовании феномена массовой тревожности россиян, со ссылкой на теории эмоций, подчеркивают, что люди оценивают ту или иную опасность, исходя из того, есть ли у них необходимые средства защиты от этой опасности, доступ к ресурсам, предоставляемым социальными институтами, органами власти, его собственным окружением. Если же таких средств в распоряжении человека нет, то страх его мобилизует, побуждая действовать для предупреждения грозящих бедствий¹⁶.

¹⁶ Иванова В.А., Шубкин В.Н.. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социс. – 2005. – № 2 – С. 22-28.

Пребывая постоянно в состоянии тревожности по тому или иному поводу, испытывая те или иные страхи, люди стремятся выработать способы борьбы с опасностями и угрозами, выстраивают «стратегии выживания». Собственный опыт и стратегии выживания, в свою очередь, передаются «по наследству» следующему поколению. Неслучайно поэтому, в казалось бы стабильном и благополучном 2007 г., по данным опроса компании «Башкирова и компании» 20% россиян делали впрок запасы продуктов, на которые начинали подниматься цены (на тот момент – во вполне умеренных масштабах)¹⁷.

Каковы же стратегии выживания и борьбы с опасностями и угрозами у наших современников?

В целом установки россиян на поддержание собственной безопасности вполне укладываются в девизы «на Бога надейся, но сам не плошай» и «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Так, трое из четверых опрошенных в деле сохранения своей безопасности надеются на себя и на своих близких (76%), тогда как высшим силам эту задачу делегируют только 27%. Такое соотношение ответов фиксировалось и более ранними исследованиями, например, 2-летней давности, хотя по сравнению с 2006 г. установка на собственные усилия накануне кризиса у россиян несколько снизилась (с 81% в 2006 г. до 76% в 2008 г.).

Государственные и общественные институты, которые могли бы взять на себя роль гарантов безопасности граждан, у опрошенных особенного доверия не вызывают. На помощь профильных органов и ведомств (спасателей, милиции, спецслужб, судов) рассчитывают только 14% россиян. За последние два года оптимизм в отношении профильных ведомств только снизился (с 18% до 14%).

Примерно в той же степени, что и на спецведомства, а именно, в весьма невысокой, россияне рассчитывают непосредственно на Президента страны, причем за последние два года эта надежда даже несколько окрепла (с 8% до 13%).

Общественные объединения – дружины, общества самообороны и т.д. – пожалуй, одни из последних инстанций, о которых вспомнят в ситуации риска россияне (3%). Столь же невелика их надежда на СМИ (3%).

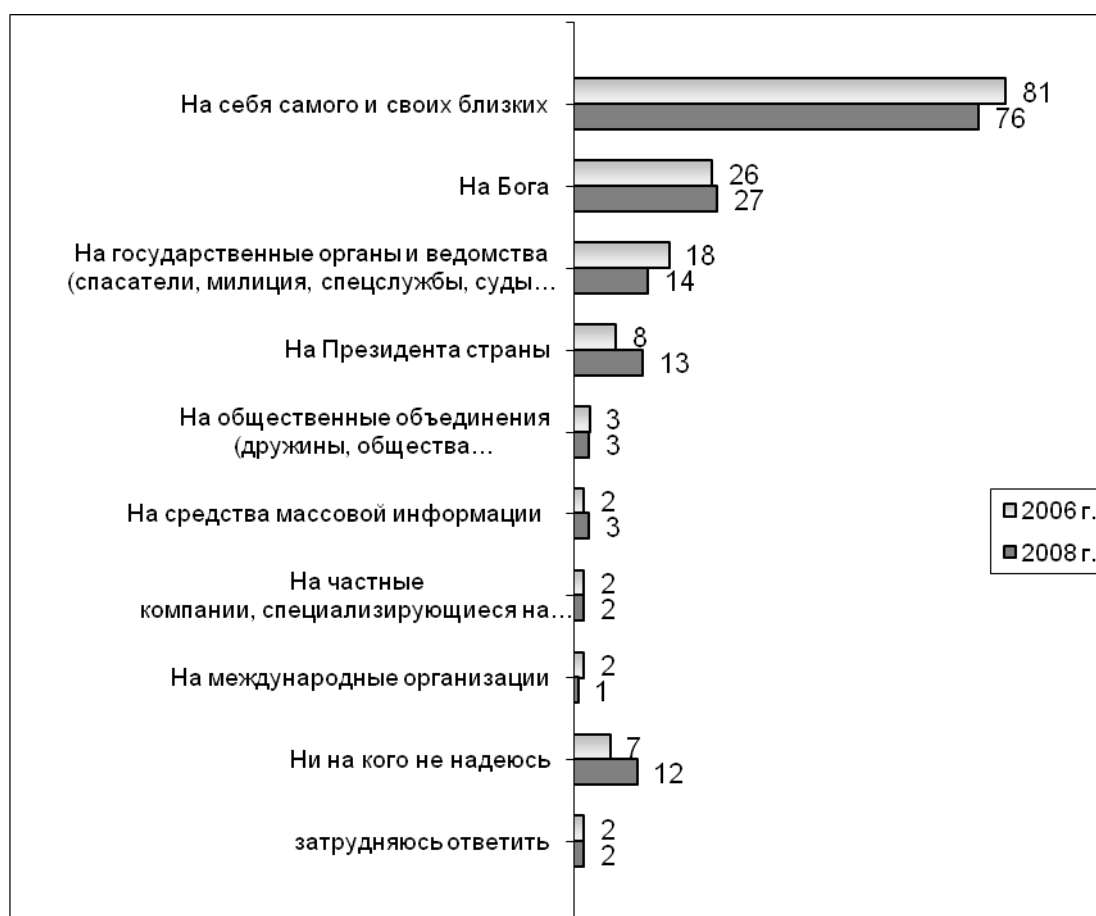
¹⁷ По данным компании «Башкирова и партнеры». <http://www.bashkirova-partners.ru/news/realize/719/>

Что касается частных компаний, специализирующихся на вопросах безопасности, то их услуги остаются невостребованными, скорее всего, из-за дороговизны. Во всяком случае, на их помощь рассчитывают только 2% опрошенных.

Международные организации вообще не воспринимаются россиянами как инстанции, которые могли бы им помочь в вопросах личной безопасности (см. рис. 6).

Рисунок 6.

На кого россияне больше всего надеются, думая о возможных угрозах своей безопасности (%)
(допускалось любое число ответов)

Конкретные действия россиян по устранению или предотвращению различных угроз для себя и своих близких представляют собой вполне адекватную реакцию на эти угрозы, соответствуют структуре наиболее распространенных страхов. Так, с учетом безусловного

лидерства страхов за свою жизнь и здоровье (от болезней, несчастного случая, посягательств), вполне ожидаемыми стали такие действия граждан как поддержание здоровья, занятия спортом (22%), усиление личной безопасности (18%).

Имущественные страхи подпитывают стремление людей делать сбережения на черный день (18%), повышать квалификацию и учиться, чтобы всегда иметь надежный заработок (16%).

Многим в их борьбе со страхами помогает религия – 13% респондентов молятся, посещают церковь. Другие, напротив, делают ставку на «рациональный выбор» и стараются как избиратели поддержать те политические силы, которые не допустят ухудшения ситуации в стране, а тем самым снизят остроту тех или иных угроз (11%).

Есть среди опрошенных и те, кто пытается снизить риск еще более простым способом – стараясь не попадать в ситуации, которые могут этот риск спровоцировать, повысить (10% не выходят из дома после наступления темноты, 6% избегают пользоваться транспортом).

Впрочем, многие россияне живут по принципу «чему быть, того не миновать» и ничего не предпринимают для снижения рисков для своей жизни, т.к., по их мнению, «все равно не убережешься» (37%). Причем, доля фаталистов примерно одинакова во всех социальных группах и слоях (см. рис. 7).

Рисунок 7.

Что россияне готовы предпринимать, предпринимают, чтобы снизить риск угроз, обезопасить свою жизнь и жизнь близких (%) (допускалось любое число ответов)

Как говорит теория и подтверждает практика, динамика массовой тревожности общества следует за отдельными ситуациями, возникающими в жизни людей и порождающими страх – как своего рода психическое заражение, эпидемия стресса. Поэтому, подчеркивают исследователи, как элемент массовых настроений, «страх гибко следует за ситуациями, складывающимися в социальной среде в тот или иной период времени»¹⁸. Как показывают данные многолетних мониторинговых исследований, нашему обществу понадобилось около 10 лет, чтобы преодолеть катастрофические настроения, сформированные в период финансового кризиса 1998 г. Нынешний кризис пришелся на период, когда общество только-только начало выздоравливать от посткризисной депрессии, когда оптимизм стал в социальных настроениях если не доминантой, то, по крайней мере,

¹⁸ Иванова В.А., Шубкин В.Н.. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социс. – 2005. – № 2 – С. 22-28.

более выраженным, нежели пессимизм. В том, чтобы новые испытания не отбросили наше общество назад, в состояние катастрофизма и эпидемии разнообразных социальных страхов, многое зависит от усилий государства. Сможет ли оно поддерживать сложившийся эмоциональный баланс, оказывая своим гражданам реальную помощь в защите от обострившихся угроз и опасностей или оставит их в очередной раз один на один с этими угрозами, вынуждая доставать «из-под подушки» бабушкины рецепты выживания?

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ., под. ред. Иноземцева В.Л.; Центр исследования постиндустриального общества, Журн. "Свобод. мысль". М.: Логос, 2002. – 325 с.
2. Иванова В.А., Шубкин В.Н.. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социс. – 2005. – № 2 – С. 22-28.
3. Общественное мнение – 2008. – М.: Левада-Центр, 2008. – 192 с.
4. Проблемы, которые тревожат россиян. <http://www.levada.ru/press/2009013003.html>
5. Рост цен. <http://www.bashkirova-partners.ru/news/realize/719/>
6. Чего мы боимся больше всего. Рейтинг страхов. <http://psihology.net.ru/chego-my-boimsya-bolshe-vsego-rejting-straxov/>

В.В. Гришин

РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЯН¹⁹

ГРИШИН Владимир Валерьевич — кандидат психологических наук, директор филиала «ВЦИОМ-Урал» ОАО «ВЦИОМ»

В своей статье автор изучает процесс формирования доверия одних людей к другим, и в частности к политическим лидерам, за которых они собираются голосовать. Принято считать, что наш народ эмоционален и свой выбор часто делает на основе эмоциональных движений души, а не разума и точного расчета. Автор показывает, что это не совсем так, и, выбирая политических лидеров, российские избиратели строят определенные логические конструкции на основе сложившихся у них общих идей-представлений о желаемом устройстве общества и государства.

Ключевые слова: доверие, политическое лидерство, доверие политикам, государственное устройство

Изучение взаимного доверия членов той или иной социальной группы, соотношения сил внешнего давления, групповой сплоченности и индивидуальных склонностей отдельных членов группы, организационной структуры, группового канона и групповой культуры, отражающей специфичность конкретной социальной общности, имеет в социальной психологии давнюю традицию. Блестящая идея Ф. Фукуямы состоит в том, что он убедительно обосновал возможность и необходимость использования показателя уровня межличностного и институционального доверия, характерного для данной социальной общности, как

¹⁹ Статья подготовлена по итогам диссертационного исследования В.В. Гришина "Социально-психологические аспекты иррациональных представлений российских избирателей" и была представлена в виде доклада на международной конференции "Корпоративная культура и социальное доверие" 12 января 2010 г. в Токио.